

УДК 639.2.001.(265.53)

ЛИСТАЯ ДНЕВНИКИ...

Г. М. Пушникова (galinka1946@mail.ru)

Сотрудник СахТИНРО–СахНИРО в 1970–1997 годах

Пушникова, Г. М. Листая дневники... [Текст] / Г. М. Пушникова // Биология, состояние запасов и условия обитания гидробионтов в Сахалино-Курильском регионе и сопредельных акваториях : Труды Сахалинского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. – Южно-Сахалинск : СахНИРО, 2012. – Т. 13. – С. 160–172.

Дневниковые записи дают возможность вспомнить события прошедших лет, а также передать слова благодарности тем, кто был рядом в непростые моменты экспедиционных будней. Кто помогал выполнить исследования на высоком уровне, при этом создавая особый климат взаимоотношений в командировках. Кто принял эстафету и продолжил имеющиеся ряды наблюдений, начатых нашими предшественниками – первопроходцами рыбохозяйственной науки на Сахалине.

Фото – 9.

Pushnikova, G. M. Turning over the pages of diaries... [Text] / G. M. Pushnikova // Water life biology, resources status and condition of inhabitation in Sakhalin-Kuril region and adjoining water areas : Transactions of the Sakhalin Research Institute of Fisheries and Oceanography. – Yuzhno-Sakhalinsk : SakhNIRO, 2012. – Vol. 13. – P. 160–172.

Diary notes give us the opportunity to remember events of the past years. They allow us to express our thanks to those who were side by side in complex moments of expedition routine, to those who helped carrying out perfect researches keeping kind mutual relations over the works, and to those who continued studying series of observations started by our predecessors – the pioneers of Sakhalin fisheries science.

Photo – 9.

Перечитываю свои экспедиционные дневники, который уже раз просматриваю фотографии... Чередой мелькают лица тех, с кем пришлось пережить самые разные мгновения тех лет... При этом постоянно появляется одна мысль, которая не позволяет отложить эти тетради и фотографии или просто уничтожить их. Она часто всплывает в памяти. Слишком часто. И, наконец, становится очевидным, что не получится забыть, отмахнуться. Просто необходимо садиться у рабочего стола и материализовывать хотя бы частицу того, о чем думается. А думается о людях. О тех, кто еще работает в институте, или тех, кто по каким-то причинам сейчас выбрал другую дорогу, о тех, кто был рядом в те непростые годы. Кто поддерживал и помогал. Потому и хранит память о них самые добрые воспоминания. А та мысль очень проста: почему мы так мало говорим и пишем о тех, кто и по сей день несет непростую вахту? Юбилейные сборники полны воспоминаний о многих, которых уже нет

с нами. И это справедливо. Их нельзя забывать. Они стояли у истоков развития рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке. Но немало своих сил и здоровья в продолжение начатого предшественниками дела вложили те, кто здравствует ныне, как я уже отметила, и старается сохранять и продолжать традиции. Пользуясь своими дневниковыми записями, попытаюсь вспомнить, отметить и поблагодарить тех, кто был рядом, кто помогал, поддерживал.

Напомню о том, что одной из основных составляющих успешного прогнозирования (а эта тематика была означена приоритетной в системе прикладных институтов рыбного хозяйства во все времена) являются материалы различных учетных съемок. Причем, чем продолжительнее ряд наблюдений, тем они более ценны. Ежегодно сотрудники институтов отправляются на полевые работы проводятся практически круглый год. Периоды съемок привязаны к особенностям биологии того или иного вида, срокам нереста гидробионтов или формированию таких скоплений, чтобы можно было за возможно короткий период оценить численность.

Из всех наиболее памятных исследований, которые мы выполняли на нерестилищах сельди, – икорные съемки. Возможно, потому, что район, где проводились работы, – это мелководье. Нерестится сельдь на небольших глубинах. А эти участки моря были наименее изучены. При первой же появившейся возможности мы не просто организовали учет численности икры на нерестилищах, но и выполнили комплексные исследования гидрохимических характеристик, включающих и параметры, с помощью которых можно было судить об уровне загрязненности мелководья продуктами антропогенного происхождения. Собирали планктон, чтобы понять, каково же состояние кормовой базы для личинок сельди. Поскольку нерест сельди приурочен к водорослевому поясу, а морские травы и водоросли – это субстрат для икры, то и к фитоценозу было особое отношение. Научная группа включала специалистов разных направлений: ихтиологов, альгологов, гидрохимиков, планктологов, океанологов и, конечно, водолазов-аквалангистов, без которых сбор основных материалов был бы просто невозможен.

Не буду лукавить: существовала еще одна причина особого отношения к этим исследованиям. Я упомянула о том, что работы были приурочены к мелководью. А это значит – к береговой линии. То есть мы не отрывались далеко от берега, и земля, та самая, которая волнует воображение моряка в дальних плаваниях, а уж нас, далеко не моряков, тем более, ежедневно была перед нами. Более того, мы имели возможность хоть немного, но побродить по суше, вдохнуть аромат распускающихся листьев и появляющихся в мае первоцветов, да и просто травы. Пусть не у дома своего, но это было равносильно...

Судно выходило на точку, наиболее близкую к берегу по требованиям мореплавания, где планировалось выполнение разреза. Спускали бот, грузили оборудование для отбора проб воды, рамки для сбора фитоценоза, питомзу, куда пробы с рамки должны быть переложены водолазом-аквалангистом у грунта, ручной лот, термометры для измерения температуры воды. С судна в бот перебирались механик и штурман, научная группа и аквалангисты.

Каждый из разрезов мы начинали с берега. Там группа осматривала выбросы водорослей, на которых могла быть икра сельди. Наличие ее свидетельствовало о том, что здесь могло быть нерестилище, а посему район следует обследовать более тщательно. Все это мы делали. Выполняли на разрезе весь

комплекс запланированных наблюдений, отбирали необходимые пробы, записывали первичные (и, пожалуй, самые бесценные сведения). Почему бесценные? Скорее всего, потому, что они были первыми и, что очень важно, ассоциативными.

Я часто вспоминаю, как моя ближайшая помощница, в те времена просто лаборант, Людмила Семеновна Ширманкина, записывая данные биологического состояния рыбы, которую я вскрывала, в чешуйную книжку вносила и фразы, никак не относящиеся к той рыбе и ее состоянию, но отражающие общий настрой съемки и некоторых ЧП, происходивших в ее период, и произвольно произносимые мною во время анализа. Точно так же она могла внести в журнал данные по температуре, глубине места, погоде и какую-то мою фразу в адрес особо нерадивых помощников и т. д. Должна отметить, что изначально я не приветствовала эти ее нововведения и частенько, при обнаружении таких вольностей, поругивала. Впоследствии, когда эти записи помогали восстанавливать важные детали тех экспедиций, я была бесконечно благодарна Людмиле за те, как я их назвала, вольности. Должна отметить, что с этим человеком было очень легко работать.

*У скал Три Брата (зал. Александровский) Г. М. Пушикова и Л. С. Ширманкина
G. M. Pushnikova and L. S. Shirmankina at the rocks "Three brothers" (Alexandrovsky Bay)*

Итак, слабая изученность прибрежного ценоза, а также исследования, которые отличались от прочих своей необычностью, непредсказуемостью, изрядной дозой ежедневно получаемого адреналина, определили мое особое к ним отношение.

Да... Были времена, воспоминания о которых до сих пор проявляются легким бризом душевной ностальгии. 1970-е годы. Исследования на морских акваториях обеспечивало ТУРНИФ. То есть предоставляло суда с неким коли-

чеством специалистов в помощь научным группам, которые направлялись из филиалов, в том числе и из СахТИНРО. График предоставления судов практически никогда не выдерживался. Мы просили предоставить пароход в мае, он мог прибыть для выполнения съемки в сентябре. И кому он тогда был нужен? Если планировалась икорная съемка, то в сентябре надо было уже выполнять исследования по сеголеткам. А для этого использовались другие методики и требовались совершенно другие орудия лова.

Много крови всем нам в те времена попортило это ТУРНИФ. Для обследования нерестилищ сельди выделяли малотоннажные НИСы – РС. С аквалангистами. Конечно, в первую очередь в те районы, где промышленность получала изрядные квоты. Так уж сложилось, что сахалинские сельдевые популяции находились в состоянии глубокой депрессии. И нам суда либо не предоставлялись вообще, либо в последнюю очередь. А это значит, что так ожидаемый нами РС по разным причинам не выходил на съемку вообще. Работы срывались. Материала, который позволил бы определить численность нерестового запаса, не было. И надо было что-то изобретать, чтобы достойно выйти из ситуации и получить исходные данные для определения промыслового запаса и возможного вылова сельди как на ближайшую перспективу, так и на много лет вперед.

Несмотря на срывы графиков выхода судов на съемки, прогнозы нам никто не отменял. Напротив, ежегодно требования к их качеству только возрастали. И судя по всему, мало кого из вышестоящих организаций волновали наши проблемы. Мы же в ответ на все происки тех, кто нас вот так вероломно обманывал, искали любую возможность.

Не могу не вспомнить о том, как в 1978 году, когда стало очевидно, что судна на съемку не будет, В. Д. Табунков, в то время заведующий нашей лабораторией, предложил выполнить обследование нерестилищ сельди с берега. Других вариантов не было. Мы с ним стали продумывать состав научной группы. Руководство института выделило нам все, что можно было в те времена собрать: автобус для участников экспедиции (водитель Н. Е. Быченко), грузовую машину ГАЗ-66 (водитель Сергей Глущенко), деревянную шлюпку, закидной невод. Собралась группа энтузиастов института: Леша Окунев – океанолог, Оля Шелепова – лаборант и автор этих строк. Владимир Дмитриевич нашел аквалангистов – специалистов из ДальморНИИпроекта г. Холмска (Н. И. Романюк, С. Л. Полищук, В. М. Шапорев). Возглавил экспедицию сам В. Д. Табунков.

Седьмого мая в таком составе мы отправились в путь из Южно-Сахалинска на западное побережье Сахалина. Май на Сахалине – не самый благоприятный месяц для такого рода путешествий, когда планируется еще и провести непростые исследования. Никто из нас прежде не бывал в местах, где планировались работы. Но был опыт наших предшественников, тех, кто изучал нерестилища сельди в далекие 50-е годы. Конечно, заранее мы внимательно изучили архивные материалы. Первая ночевка у нас была недалеко от поселка Красноярское. Нашли хорошую площадку для лагеря. Поставили палатки. Оставили дежурных: лаборантку Олю Шелепову и дочь Табункова Татьяну, которая упросила отца взять ее с собой в экспедицию. Если мне не изменяет память, то возраст ее был до 7 лет. В школу она еще не ходила. Остальные отправились на берег. Пока было светло, надо было осмотреть береговую линию,

попытаться сделать замет закидным неводом. В выбросах на филлоспадиксе обнаружили икру сельди. И это была обнадеживающая находка. А замет невода дал приличный улов мойвы. Часть мы выпустили, часть отдали местным жителям, часть взяли себе, чтобы сделать биоанализ, массовый промер, а потом приготовить на костре и провести органолептический анализ. Уже затемно вернулись в лагерь. Счастливые... И наполненные впечатлениями. Но когда увидели лица наших дежурных, поняли, что допустили ошибку: две девочки, у костра, одни. Конечно, им было не совсем уютно: темнота обступала со всех сторон, а что там, за границей света от костра?.. Было страшно. На будущее решили оставлять дежурными и кого-то из мужчин.

*Первая береговая экспедиция по обследованию нерестилиц сельди (1978 г.)
The first coastal expedition for the observation of herring spawning grounds (1978)*

Первый ужин при свете костра, искры которого разлетались окрест, потрескивали поленья. Мы делились впечатлениями, обсуждали планы на завтра. Танечка слушала-слушала нас и говорит: «Как будто Новый год или салют». Все замолчали и оглянулись вокруг. Над головой чистое небо. Ни облачка, огромное количество звезд и луна. Все очень яркое, впечатляющее. Огонь, звезды, луна... Действительно, или Новый год, или салют.

А на завтра погода испортилась. Дождя еще не было, но усилился ветер, поднялась волна. Нерестилица сельди обследовать было проблематично. С трудом, в более-менее прикрытых от ветра местечках выполнили три замета неводом. В уловах преобладала мойва. Обнаружили массу икры, налипшей на песчинки и мелкие камешки в зоне прилива-отлива. Поняли, что это – нере-

стилища мойвы. Протяженность их была значительна. Плотность икры очень высока. Стали соображать, как можно собрать материал для оценки численности икры мойвы. С сельдью методика была отработана еще нашими предшественниками. Здесь у нас вопросов не было. Было только огромное желание найти нерестилище. Но погода вносила свои коррективы. А вот с мойвой возник вопрос методики отбора проб. По нерестилищам этой рыбы мы просто могли ходить. Но какую методику применить для учета численности икры?

Пока мы с Ольгой занимались анализами выловленной рыбы, массовыми промерами, мужчины ломали головы над методикой отбора проб на нерестилищах мойвы, а также решали различные оргвопросы. И самый главный – «бункеровка» наших машин горючим. Надо отметить, что руководители предприятий, куда обращался Владимир Дмитриевич, выслушав задачи, которые стояли перед нашей экспедиции, в большинстве случаев шли навстречу. Так, с первой дозаправкой машин нам помог директор Байковского судоремонтного завода. Затем были еще дозаправки в Парусном, в Красногорске. Два дня стояла весенняя сахалинская непогода. Мы были уверены, что нерестилище буквально в 100–200 м от берега. Но море штормило, а здесь, на берегу был сильный ветер и дождь. Кто-то из мужчин познакомился с местными жителями, которых очень интересовали наши работы. Многие собирались на берегу, когда мы закидывали невод. Помогали нам вытягивать его с уловом. Рассказывали о своих наблюдениях. Нам тоже было очень интересно общаться, особенно со старожилками. Я получила от них много полезнейшей информации.

Так вот, в плохую погоду наши мужчины договорились с кем-то из местных жителей истопить баню. А баня та топилась по-черному. Мы же с Ольгой не были знакомы с таким сервисом. И пришли после бани в лагерь вроде как и помывшиеся, но перемазанные сажей. Было уже темно, в бане зеркала не было. Мы ничего не поняли, когда наши товарищи по экспедиции расхохотались, увидев нас. Долго потом ту баню вспоминали. Да и много всего другого. И то, как нас в шлюпке захлестывала волна. А температура воды была 5 градусов. На берег вернулись промокшими до ниточки. И то, какие чувства испытывали все, когда было наконец обнаружено первое нерестилище сельди и собраны пробы для количественного учета икры. А какие «изысканные» блюда готовили на костре! Правда, были и вкусно приготовленные. Например, замечательная уха из только что пойманной рыбы. Помню, как Леша Окунев удивил всех, приготовив мойву горячего копчения. Было очень вкусно! Впоследствии я ни разу не пробовала такую необыкновенную мойву.

Конечно, было много сложностей. Но и было чувство удовлетворения от выполненной работы. И от общения с неравнодушными к основной задаче экспедиции людьми. Это был первый опыт сбора материалов не с судна, а с берега. Мы, конечно, понимали, что все нерестилища таким методом не охватить, но хоть часть их да можно обследовать. То есть получить хоть малую толику необходимого для прогнозирования материала, чем вовсе остаться без него. Таким образом, мы получили ответ на вопрос что делать, когда ТУРНИФ вероломно обманывало нас, не предоставляя судно для съемки.

Надо сказать, что в своих претензиях к ТУРНИФу и всем иже с ними мы руководствовались исключительно святым посылом о том, что популяции, численность которых находилась в депрессии, требуют не меньшего, а даже большего внимания, нежели более здоровые сообщества гидробионтов. Но... То была

борьба с ветряными мельницами. Слишком толстошкурными и двуликими были те руководители ТУРНИФ, которые в разговорах с нами понимающе кивали головами, убеждая нас в том, что в курсе, что знают... Кивали, убеждали, обещали и... Ежегодно не выполняли своих обещаний. По разным причинам. А нам-то до их проблем дела не было. Нам судно вовремя подавай! И дошли, наконец, до самых высоких постов Министерства рыбного хозяйства (МРХ) сельдевые беды и требования нашего сельдевого совета, который в те времена возглавляла Качина Татьяна Федоровна – не просто сельдевик, а... Сельдевик. Неравнодушный человек, глубоко и искренне влюбленный в королеву рыбного царства. Искренне и глубоко обеспокоенная за судьбу дальневосточных популяций этого вида. В 1978 году рабочее совещание Сельдевого совета состоялось в Калининграде.

По его результатам руководство МРХ приняло очень важное для нас решение. Министерство обязало предприятия, подчиняющиеся ему по регионам, ежегодно, в требуемые НИИ сроки, предоставлять суда для проведения комплекса научно-исследовательских работ по сельди. Сахалинское региональное управление, Сахалинрыбпром, в свою очередь, вменили в обязанность Невельской базе тралового флота обеспечивать СахТИНРО судами. Решение – казалось бы, очень благоприятное для нас, – обернулось огромным количеством всевозможных негативов. Изначально – психология тех, с кем надо было выходить на месяц, а то и два, в рейс на небольшом судне. Это рыбаки-добытчики со всеми отсюда вытекающими. До сих пор руководство базы ставило им задачи по выполнению и перевыполнению плана вылова рыбы. То есть работа в основном в экспедициях, поиск скоплений, их облов, сдача рыбы на плавбазы и снова поиск, облов и так далее. Мужские экипажи, суровые рыбацкие будни, свой, десятилетиями сложившийся лексикон, включающий большей частью элементы ненормативной лексики в несколько этажей. И вдруг перед ними возникают женщины, по их мнению, малопонимающие их особый уклад. И не просто возникают, а начинают что-то требовать, причем, такое, что ставило с ног на голову их менталитет. Этого еще не хватало! Много было казусов и неприятия нас на промысловых судах.

Далее. Неужели руководство базы отправило бы на исследования хороший новый пароход? Конечно, нет. Нам выделяли отработавшие свой срок суда. И после наших съемок их, как правило, отправляли на металлолом. «Шкипер», «Углич», «Пограничник», «Тынь» – все ушли на гвозди. Был еще легендарный лайнер по имени «Георгий Попов».

Конечно, суда не были приспособлены для выполнения научно-исследовательских работ. И сколько же неудобств приходилось терпеть, но при этом – тешить себя одной только мыслью, что это единственная возможность собрать материал. Работали исключительно за идею. Не могу не отметить, что руководство базы, понимая непростую ситуацию, старалось помочь как только можно было. Из всех мы обычно выделяли Вадима Афанасьевича Ким, заместителя базы в те времена. Это был мой однокашник по вузу. И я, естественно, в случае критической ситуации шла к нему в кабинет с соответствующим выражением на лице. Вадим пытался помочь всегда. Но... Не все было даже в его силах. Как правило, команда судна укомплектовывалась проштрафившимися кадрами. Отправляли их с нами в рейс на исправление с обещанием, если от науки не будет замечаний, то после работы в этой экспедиции с человека все наказания снимут и пошлют на хороший пароход и в хороший рейс.

Был и другой вариант кадров: капитаны, для которых в этом новом качестве был первый рейс. Им тоже давали подобные обещания в надежде, что человек будет стараться заработать такую характеристику, которая позволит направить его на хорошее промысловое судно. Каких только деятелей не посылали с нами в рейс! Но для того чтобы выполнить исследования, мы старались найти общий язык со всеми. В ход шли все возможные методы. Объясняли, убеждали, требовали. Старались как можно больше рассказывать о том, для чего мы собираем материал, как его в дальнейшем будем обрабатывать и что должны получить в результате. В течение рейса, бывало, проходили краткий курс общей ихтиологии, динамики численности рыб. Как правило, те, кто был скептически настроен в начале рейса, к его завершению проникался важностью выполняемой работы. А в период работ многих охватывал охотничий азарт, когда нерестилище, наконец, обнаруживали. Было очевидно, что, прислушиваясь к нашим сообщениям о том, как составляется прогноз, какие данные мы закладываем в свои расчеты, многие из экипажей понимали, насколько важно выполнить то, что мы запланировали и о чем ежедневно говорим. Не в первые дни, но несколько позже нам начинали активно помогать и поддерживать нас. Предлагать свои решения возникающих проблем, связанных в основном с техническим обеспечением работ. Даже делали замечания друг другу в случае неожиданно вылетающей ненормативки. Мы старались не акцентировать на этом внимания. Мы видели участие и понимали, что коллектив есть и мы сделаем ЭТО!

Пережив все трудности предрейсовой подготовки, мы, наконец, выходили в рейс. Первые дни самые тяжелые – адаптация. Укачиваемся. А работать-то надо. Каждый погожий день на вес золота. С тяжелой головой (не видеть бы вас всех 300 лет) отмечаю на карте места выполнения разрезов. Выходим на первую точку, судно встает на якорь. Мы, стараясь не показывать, как нам плохо, собираем свой научный скарб, грузим все в бот, который опускают на воду вместе с нами. Надо отметить, что первые рейсы мы работали на тяжелых ботах, а где-то в середине 90-х годов появились, наконец, более легкие. Начинали работу на берегу. Осматриваем зону выбросов. Видовой состав водорослей и морских трав, наличие икры на них. В первые дни работы на берег выскакиваем все. Там ощущаешь себя человеком. Там не качает, под ногами твердая земля. Получив первые материалы на берегу, перемещаемся в бот и начинаем выполнять разрез. На определенных глубинах (измеряем глубину места ручным лотом) аквалангист спускается на грунт, обследует его визуально, собирает в питомцу субстрат и передает на бот. Когда водолаз собирает материал, мы внимательно наблюдаем за его перемещениями, зачастую фиксируя их только по вылетающим к поверхности пузырькам воздуха: либо большая взмученность, либо работаем на большой глубине и самого аквалангиста просто не видим.

В каждой точке определяем температуру воды, берем пробы воды. Субстрат, переданный аквалангистом, снабжаем этикеткой и готовим для его обработки на судне. Собрав необходимые на разрезе пробы, возвращались к судну, где бот поднимали на палубу и судно перемещалось к следующему разрезу. Во время перехода мы успевали разобрать привезенные пробы и подготовиться к очередным подвигам. То есть снова в бот, на берег, по точкам и назад к судну. И так, при наличии погоды, – с раннего утра и до позднего вечера. Торопились, спешили. Понимали, что завтра такой погоды может и не быть, что сегодня

надо как можно больше разрезов выполнить. И сколько было горьких временных отрезков, которые казались просто непереживаемыми, когда в хороший день со штилевой погодой вдруг ломался бот, что-то выходило из строя на судне, кончался воздух в аквалангах у водолазов, то есть случался неожиданный простой. Хорошо, если проблему решали самостоятельно. Но самое плохое случалось тогда, когда надо было возвращаться в Невельск для ремонта. Трагедия для нас и огромная радость для экипажа.

Со временем научились переживать и такое. Использовали вынужденный простой для первичной обработки материала, который был к этому времени собран. В состав научной группы ежегодно входили сотрудники управления Сахалинской гидрометслужбы. Параллельно с изучением показателей гидрохимии на нерестилищах они собирали и пробы на своих стандартных разрезах и рейдах. Как правило, многие пробы обрабатывались во время экспедиции. И мы могли обсуждать получаемый материал в появляющиеся перерывы при различных сбоях в работе судов. Начинал сбор материалов по гидрохимии Красавцев Володя, затем его сменила Тучкова Валентина. Были и другие сотрудники, но именно эти люди мне запомнились из всех своей способностью организовать работу, активным участием и поддержкой во всех возникающих проблемах и умением всегда найти выход из затруднительной ситуации.

Несколько рейсов вместе с нами собирала материал в то время сотрудник ТИПРО Ирина Рыбникова. Исследования проводили в мае–июне. Скажем так,

не совсем спокойное время на море. Особенно в мае. Резко менялась погода, шторма буквально преследовали. Был год, когда мы смогли нормально поработать в мае только пять дней из тридцати одного. Поэтому постоянно торопились в погожие дни. Вот так однажды работали в заливе Анива. У нас оставался один разрез в бухте Лососей. Надо было взять там материал, проверить установки, на которые должна была, по нашим замыслам, попасть икра сельди. Старпом, который был в то время на вахте, не очень приветствовал наше решение отправиться на разрез. На этом обширном мелководье судно не могло подойти близко к берегу. А погода, по его мнению, портилась. Мы с Ириной решили времени не терять и выполнить намеченный сбор материалов, чтобы завершить работы в заливе Анива и переходить уже в залив Терпения. В бот, помимо нас с Ириной, взяли минимум экипажа – только штурмана и механика.

Действительно, переход от судна к берегу был значительный. Но мы благополучно добрались до мелководья, проверили свои установки для икры, взяли пробы воды. Пока занимались отбором проб, неожиданно налетел шквальный ветер со снежным зарядом. Мы поняли, что надо поторопиться с возвращением к судну. Но вот беда, бот заглох и не заводился. Механик и штурман что-то пытались починить, но безрезультатно. Мотор был глух. Нас развернуло лагом и накрыло волной. Конечно, все мокрые, полный бот воды, до берега неблизко, а до судна еще дальше. Ветер, снег, жуткий холод. Парни наши берут весла и пытаются удерживать бот носом на волну. Гребут в сторону судна. Мы понимаем, что при таком ветре и такой температуре скоро превратимся в две сосульки. Активно вычерпываем воду из бота. Движение – это жизнь! И в это время видим, что мимо нас проходит яхта под парусом. Причем, движется активно, в отличие от нас. Мы начинаем громко кричать, привлекая их внимание. Экипаж увидел нас и подрулил. Поняли сразу, что дела наши плохи. Видимо, жуть ситуации была прописана на наших лицах. Нас с Ириной пригласили на яхту, бот взяли на буксир и двинулись к судну. В это время старпом понял, что у нас большие трудности. На судне подняли якорь и пошли нам навстречу – настолько, насколько позволяла глубина того места. Когда спортсмены

с яхты пришвартовались к судну, первыми поднимали на борт нас с Ириной. Мы, конечно, от холода не могли и слова вымолвить, своим спасителям только помахали руками с негнущимися пальцами. (На яхте тоже было очень холодно. Просто мы там были закрыты от пронизывающего ветра.) Наши механики срочно организовали нам горячий душ, где мы с Ириной не быстро, но отогрелись. Потом был горячий чай. До сих пор не понимаем, как мы после того происшествия не заболели. Ведь промерзли так, что не могли расстегнуть пуговицы на штормовках. Пальцы не работали совершенно. Да и говорить-то не могли нормально. В основном, как впоследствии описывали наше состояние судовые остряки, слышался только лязг зубов и непонятные звуки. Слов было не разобрать. Но пережили и такое. И немало было разнообразного негатива. Но ради того ни с чем несравнимого состояния души, когда было найдено нерестилище, когда ты видишь икру, причем, живую, и понимаешь, что никто уже не посмеет заявить, что сельдь погибла, вымерла и нет ее, ради этого мы были готовы переживать и не такое.

Икра сельди на водорослях
Herring roe on the seaweeds

Как-то так получилось, что в этих рейсах с нами не бывала Клавдия Иосифовна Курышева. Но, как правило, весь собранный на нерестилищах материал в большинстве случаев приходилось обрабатывать именно ей. А это очень утомительное и кропотливое занятие. Конечно, принимали участие в обработке и Людмила Ширманкина, и Ольга Шелепова. Но больше всех доставалось именно Клавдии Иосифовне. Этому человеку я признательна за то, что она виртуозно могла сглаживать напряжение любой ситуации и легко договориться с тем, от кого многое зависело и при сборе материалов, и при обработке. В командировках с ней было всегда легко. И одну ее, впрочем, как и Ольгу с Людмилой, можно было посылать в любой уголок Сахалина с уверенностью, что девушки материал соберут. Причем, так, как требовалось, несмотря на трудности быта и погодные условия. До сих пор храню письма Людмилы Ширманкиной, которые она посылала из Александровска-Сахалинского. Читаю и понимаю, как непросто бывало там.

Встреча на рейде двух научных групп (слева направо: Г. М. Пушникова, Л. С. Ширманкина, В. Н. Худя, К. И. Курьшева)

Meeting at the roadstead of two scientific groups (from left to right: G. M. Pushnikova, L. S. Shirmankina, V. N. Khudya, K. I. Kuryшева)

Л. С. Ширманкина руководит отбором проб
L. S. Shirmankina controls the samples collection

Свое особое отношение к обследованию нерестилиц я старалась передать и молодым сотрудницам, которые готовились принять эстафету. В конце 80-х годов к нам присоединилась Ирина Михайловна Мамуло, а немного позже – Эльза Ившина. Ирина Михайловна не страдала морской болезнью. С первых дней рейса всегда была на ногах и отличалась хорошим самочувствием. Но как плохо было Эльзе, особенно в первые дни или во время шторма. Нам всем было очень жаль ее. И думалось мне, что не выдержит девушка, откажется от сельди. Но мои первые впечатления оказались ошибочными. Эльза выдержала, выстояла и приняла от меня сельдевую эстафету. Это радует и дает надежду, что она продолжит имеющийся ряд наблюдений и будет на всех уровнях защищать

интересы самого необыкновенного из всех видов рыб – ТИХООКЕАНСКОЙ СЕЛЬДИ. И особенно той многострадальной популяции, которую, на мой взгляд, исходя исключительно из политических соображений, японские исследователи пытаются возвести в ранг вымершей и несуществующей в настоящее время. А именно – САХАЛИНО-ХОККАЙДСКОЙ сельди. Я искренне желаю Эльзе успеха. А также исполнения самого заветного желания всех сельдевиков, кто в той или иной степени прикоснулся в своих исследованиях к этой популяции, – восстановления ее численности. Хотя бы до того уровня, когда массовый нерест ее наблюдали у юго-западного побережья Сахалина.

Не могу не упомянуть и о том, что к обследованию нерестилиц в 1986 году наше Министерство рыбного хозяйства сделало нам знаменательный подарок. В Невельск был доставлен и готов к проведению исследований абсолютно новенький водолазный РС «Огонь». В 1988 году мы на нем даже выполнили обследования по всему побережью Сахалина. То есть совершили кругосветное плавание. Был очень интересный рейс, собран обширный материал. Мы увидели, какой необычный и какой разный наш остров. Но самое большое впечатление – какой он красивый! На этом судне мы благополучно отработали съемки нерестилиц в течение четырех лет. После чего в стране началась перестройка со всеми вытекающими для нас последствиями. Науку просто выгнали «на панель». *Но это уже совсем другая история...*